

Е.А. Болтовская, О.В. Муравская
(Могилев, Беларусь)

АНТРОПОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ К. МИХЕЕВА

В статье идет речь о различных группах антропонимической лексики в поэтических текстах современного русскоязычного автора Беларуси Константина Николаевича Михеева.

Тексты Константина Михеева (род. в 1972 г.) насыщены культурными аллюзиями и реминисценциями, вплетением античных и библейских мотивов в мироощущение современного человека. По мнению известного белорусского литературоведа И.С. Скоропановой, «в поэтической речи К. Михеева слиты классические традиции русской поэзии золотого и серебряного веков и дерзкие новации европейского авангарда, державинско-ахматовская чеканность слога и безудержная метафоричность мандельштамовского стиха, гениальные озарения герметичного стиля Рембо и иронически-усталая интонация Бродского. Однако все это соединено не

механически, но переплавлено волей поэта в некое новое качество – своеобразный новый неоклассицизм начала третьего тысячелетия новой эры, в котором высота библейского слога органично сплавляется с уличным сленгом» [4, с. 65–66].

Рассчитывая на «культурного» читателя, автор умело пользуется прецедентными именами, чем запускает обширные ассоциации, углубляющие содержание его собственных размышлений: *Если бы ты знала, Ависага, / что цветенья слаще увяданье* («Ависага»); *Не Цезаря венец, так хоть венец Венеры / возложен второпях на лоб венца творенья* («Сонеты ренессансу»); *Мы их дробили, мешали и плавили / в суетном тигле греха / с дерзостью Каина, кротостью Авеля / ради рождения стиха* («Годы проплыли – незрячие, зряшные...»). Следует отметить, что синтаксический строй поэтических текстов К. Михеева труден для восприятия с первого прочтения, так как художественный смысл часто облекается автором в сложные предложения, осложненные обособленными определениями и обстоятельствами, однородными членами, благодаря чему речь становится одновременно и эпически вязкой, и эмоционально насыщенной: *Пронизанный дождливой грустью, / гудок во тьме провоеет волком, / когда до цели доберусь я, / припав глазами к мутным стеклам; / визгливой грязной дверцей трахну / и головой трахну бессонной, / без сдачи отдавая драхму / сжимающему руль Харону* («Таксомоторный романс»).

Материалом для нашего исследования послужили антропонимы (163 единицы, 184 словоупотребления), извлеченные путем сплошной выборки из стихотворений Константина Михеева [2; 3]. Антропонимы, значимые для русской и (что встречается гораздо чаще) для мировой культуры в целом, охотно выносятся автором в названия стихотворений: «Апология Моцарта», «Елена, царица печальная», «Стансы к Цирцее», «Стихи Мнемозине», «Навсикая», «Телемаху – с любовью и сожалением», «Калипсо – в знак скорби и памяти», «Аттила», «Ахилл», «Ависага», «Гамлет», «Офелия», «В возке вослед боярыне Морозовой», «Артуру Рембо, negociанту», «Корректируя Бодлера», «Надгробье Анны Ахматовой», «Памяти Иосифа Бродского», «Путь Каина», «Где ты был, неверный сын Адама...», «Иоанн Креститель», «Танец Саломеи».

На основании связи с именуемым объектом нами были выделены 5 групп антропонимов (представлены в порядке убывания частотности).

1. Мифоантропонимы.

1) **Мифоантропонимы** (40 единиц, ≈ 25% антропонимов) **античные**: *Мнемозина, Харон, Сивилла, Психея, Дионис, Гефест, Посейдон, Хронос, Ахилл, Аполлон, Язон, Медея, Телемах, Пенелопа, Эней* и др. Один из двух своих сборников стихов автор именует «Стихи Мнемозине», что сразу отсылает нас к греческой мифологии, в которой титанида Мнемозина, дочь Геи и Урана, является богиней памяти. Она обладает способностью не только извлекать из прошлого давно забытые факты, но и предвидеть будущее. Еще важно то, что именно она дала названия предметам и явлениям, а также упорядочила их: *Мнемозина! На губах морозных / плющут, как стальное острие, девять звуков яростных и грозных – / имя сокровенное твое* («Стихи Мнемозине»);

2) **Мифоантропонимы библейского происхождения** (32 единицы, ≈ 19,6% антропонимов): *Каин, Авель, Пилат, Иуда, Ирод, Ева, Адам, Матфей, Авраам, Ма-*

рия (Богородица), Иоанн Креститель, Аvisaга и др. Так, в стихотворении («Монолог Каиафы») воображение поэта рисует нам внутренние размышления Каиафы – первосвященника, который втайне верил в мессиянство Иисуса Христа, потому и настаивал на его казни. Он пытается оправдать себя в глазах Всевышнего судьи, утверждая, что все равно все люди лживы. Автор показал на основе библейского сюжета суда над Спасителем драму фарисейской души, сознающей свой смертный грех – убийство невинного человека. Исследователь поэзии К. Михеева А.Ф. Кудасова справедливо утверждает: «Историко-философское, историко-культурное в его творчестве – способ осознания трагической амбивалентности человека, его экзистенциальной заброшенности и неприкаянности, обреченности раз за разом шествовать одними и теми же тропами, на каждой развилке становясь перед проблемой выбора. Читая произведения Михеева, мы оказываемся в эпицентре мировой катастрофы, в первую очередь, катастрофы духовной, выход из которой – очищение через возвращение к библейским заповедям» [1, с. 63–64];

3) **Мифоантропонимы из русского фольклора** (3 единицы, ≈ 1,8% антропонимов): *Емеля, Макар, Боян*. Например: *Расстилат полночь шелковый плат / для луны, поднявшейся в полный рост, / и туда, где Макар не гонял телят, / на аркане тянет ватагу звезд* («Расстилат полночь шелковый плат...»).

2. Имена собственных исторических личностей, деятелей культуры.

1) **Имена собственные правителей, военных, государственных деятелей** (32 единицы, ≈ 19,6% антропонимов): *Флавий, Каракозов, Каттель, Олег, Игорь, Борис, Глеб, Чапаев, Гудериан, Сен-Жюст, Бестужев* и др. Например: *Как на встречу железом гремящему мраку, / многократно в багряном дурмане растаяв, / снова Каттель ведет добровольцев в атаку, / и уральские воды глотает Чапаев* («Русской революции»); *И, шествуя к дворцу тропинкой ровной, / с лукавой мушкой на тугой груди, / смеясь, внимала Лисавет Петровна / медовым инвективам Шетарди* («В дыму хрустальном русского Версаля...»). Речевая характеристика многих государственных деятелей, имеющих отношение к судьбе России, нелицеприятна: *И заглушали матюги Орлова / визгливый тенор Третьего Петра* («В дыму хрустальном русского Версаля...»);

2) **Имена собственные писателей и поэтов**: а) **зарубежных** (16 единиц, ≈ 9,8% антропонимов): *Еврипид, Артур Рембо, Гомер, Гюго, Бодлер, Уитмен, Вергилий, Расин, Габриэле д'Аннунцио, Георг Тракл, Теодор де Банвиль, Ханс Лейн (Ганс Ляйн)* и др. Например: *Биограф иль потомок / пускай захлопнет пухлый фолиант / поэзия предстанет в новом свете, / когда напротив точной даты смерти / прочтешь: «Артур Рембо, негодник»* («Артуру Рембо, негоднику»); *Я долго в стиске Гомера / искал свое малое судно, / белое, словно чайка, / искал свое имя напрасно* («Елена, царица печальная»); б) **русских** (9 единиц, ≈ 5,5% антропонимов): *Иосиф Бродский, Херасков, Петров, Державин, Гумилев, Тютчев, Велимир Хлебников* и др. Например: *Ловит роза ветров, / что прохерачит Херасков, / что проубинит Петров, / что прогремит Державин, / немногословен и тверд* («Осень в многоколонном граде...»); *Кончено все. Но начнется все сызнова, / с круга кочья на круг / полясь округлостью слога певучего, / силась достать до вершин / и раздо-*

быть – к посярмлению *Гютчева* – / *обище ум и аришин* («Отходная»). Эти контексты расположены в цикле стихотворений «Петербургские инвективы», самым названием которого автор предупреждает читателя о некоей обличительной речи, содержащей бранные высказывания. Столкновение книжных и разговорно-просторечных лексем, стилистическое рассогласование необходимы К. Михееву для обрисовки разительного контраста между великолепным поэтическим прошлым Петербурга и измазанным в «озорную кириллицу вешего русского мата» настоящим. Поэт использует перифрастические наименования с антропонимами, заменяя название города указанием на его наиболее характерные и важные признаки: «северная *Муза*», «город *Петра*». Миссия плакальщицы и пророчицы возложена К. Михеевым на «северную *Сивиллу*» А. Ахматову: *Прорицанье северной Сивиллы / царственный гранит околдовало, / в памяти бывшее убаюкав, / загодя грядущее оплавав* («Надгробье Анны Ахматовой»). Именно А. Ахматовой автор посвящает последнее стихотворение цикла, в котором провозглашаются преемственность Слова и вера в высокое предназначение Поэта: *От тебя принимали как дар мы / эту речь и с чухонской земли / в пересылки, бараки, казармы, / в глубину лихолетья несли. <...> Анна! Мы присягали крамолам / майских песен и мартовских рек / и неправильным русским глаголом / выправляли неправедный век* («Надгробье Анны Ахматовой»). «Гордый и горестный стих» А. Ахматовой сумел восстановить утраченную связь между прошлым и настоящим временем («*настиг / нас, прозвиз поколения и версты*»). Впечатление от стойкости Слова цвета крови, еще способного «жечь сердца людей», усиливает нагнетание звука [ж]: *Расцветает звездикою рдяной, / жаждой жить, обнажаться и жечь, / на влюбленных устах твоих, Анна, / неподкупная русская речь* («Надгробье Анны Ахматовой»);

3) **Имена собственные деятелей науки и искусства** (14 единиц, ≈ 8,5% антропонимов): *Моцарт, Вагнер, Сальери, Вламник, Модельяни, Кустодиев, Платон, Сократ, Парменид, Плотин* и др. Например: *Затем наступает черед “Реквиема”. / Прозрение? Скорее, прозрвание: / посмертно оклеветанный Сальери / хмурит лоб, глядяваясь в нотный стан* («Апология Моцарта»); *И руками разводит Платон, / и молчит назидательно Плотин* («Осеапо пох»).

3. **Имена собственные из литературных произведений**: а) **из произведений зарубежной литературы** (7 единиц, ≈ 4,2% антропонимов): *Гамлет, Офелия, Лир* и др. Например: *«Я не ослышался? Свобода и покой?» / «Вы не ошиблись, Гамлет, что-то вроде...» / Хрустит бумага под моей рукой / и вместе с нею грезит о свободе* («Гамлет»); б) **из произведений русской литературы** (2 единицы, ≈ 1,2% антропонимов): *Иван Карамазов, Алеша Карамазов*. Например: *Вслушайся в ливневый бред: / слизью глаза измазав, / ты не вернешь билет, / ты не Иван Карамазов, / ты доволен вполне / тем, что темно и сыро, / что в станционном окне / нет искони кассира* («Осень в провинции»).

4. В качестве наименования божества выступают **онимизированные апеллятивы, называющие божество** (5 единиц, ≈ 3% антропонимов): *Бог, Всевышний, Господь, Отец мой, Творец*. Такое количество можно объяснить тем, что при переводе Библии и именовании Бога каждый народ руководствовался своими пред-

ставлениями об истинном имени Бога, вопрос о котором является центральным в теологии и по сей день. Например: *Упивается страхом земля, выбиваясь из сил. / Если б пасти могил распахнулись, наверное, Бог бы, / их стенанье услышав, на голыи нам изронил / пару слез неподъемных и гибель несущих, как бомбы* («Кавказ»); *Человек, покидающий землю, о ней забывает на миг / в саркофаге стеклянном кабины холодной и тесной, / и в мембране грохочет молитва: «Господь мой, двойник, / почему оставляешь меня Ты навеки, Отец мой?»* («Аэродром»). К. Михеев предлагает свой путь к духовному обновлению и бессмертию, подхватывая ахматовскую идею преодоления смерти через слово, «а Слово изначально – это Бог» («Курносая славянская Камена...»).

5. Имена прилагательные, образованные от имен собственных (3 единицы, ≈ 1,8% антропонимов): *Дамоклов меч, Дантов ад, Клодтовы кони*. Например: *Средь Клодтовых коней короткогривых, / длиннородых исключеньных афши / зачем на тонкобровых перспективах / под ветром ледяющим ты стоишь?* («Курносая славянская Камена...»); *Города и реки. Страны. Расы. / То смеенье, то пролитье крови. / Приговор столетий. Прихоть часа. / И Дамоклов меч у изголовья* («Solvset seclum»).

Таким образом, проанализировав антропонимы в произведениях Константина Михеева, можем сделать вывод о том, что ономастическое пространство его стихотворений разнообразно и представлено различными группами имен собственных. Поэтические тексты Константина Михеева отличаются довольно активным использованием прецедентных имен мировой культуры: мифоантропонимов, чаще всего античных или библейских (75 единиц, ≈ 46,4%). Автор вводит в контекст известные читателям мифонимы для привнесения в смысловой план текста устойчивых классических идей, связанных с ситуациями, описанными в античной мифологии, а также в Библии. Антропонимы составили ≈ 72% от общего количества ономастических единиц, зафиксированных в процессе исследования, что свидетельствует о значимости данной группы имен собственных для миропонимания поэта.

Список литературы

1. Кудасова, А.Ф. Судьбы человеческой цивилизации в поэзии К. Михеева / А.Ф. Кудасова // Русскоязычная литература Беларуси / редкол.: С.Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2010. – С. 56–73.
2. Михеев, К.Н. Гиперборея : стихи / К.Н. Михеев. – Минск : Экспериментальные мастерские «Такая жизнь», 1994. – 157 с.
3. Михеев, К.Н. Стихи Мнемозине : избранные стихотворения / К.Н. Михеев. – Москва : ООО «Новое знание», 2002. – 269 с.
4. Скоропанова, И. С. Константин Михеев. СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА... ЛАВИНА ПАМЯТИ / И.С. Скоропанова [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/belliterature/readme.php?subaction=showfull&id=1466075433&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 06.03.2019.